

С. К. КРАСАВИНА

ДУКА И СФРАНДЗИ ОБ УНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ И КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВЕИ

Разгоревшаяся в поздней Византии борьба вокруг церковной унии с Римом нашла отклик в исторических сочинениях XV в. В зависимости от своего миропонимания и политической ориентации византийские историки по-разному трактуют вопросы, касающиеся этой борьбы. Точка зрения каждого из них отражает взгляды тех кругов византийской аристократии, к которым они принадлежали. Принимая непосредственное участие в государственных делах либо в качестве приближенных лиц императора (Сфрандзи), либо в качестве дипломатических деятелей, состоявших на службе у правителей отдельных византийских территорий (Дука), эти историки неизбежно включались в политическую жизнь, отстаивая интересы определенных группировок феодальной знати Византии.

Отмечая существование в Византии XV в. трех политических течений — протурецкого, пролатинского и православно-ортодоксального, исследователи находят им параллели в византийской историографии той эпохи, причем Дука и Сфрандзи обычно рассматриваются как антиподы¹. Считается, что Сфрандзи отражает в своей Хронике мнение ортодоксальных кругов византийской знати, в то время как Дука, будучи сторонником заключения унии с Римом, представляет в историографии пролатинскую партию. Подобная трактовка политических взглядов Сфрандзи стала общепринятой, несмотря на то, что еще П. Д. Погодин обратил внимание на одно обстоятельство, противоречащее представлению о Сфрандзи как о противнике² унии. Впрочем, сам же П. Д. Погодин, а за ним и Г. С. Дестунис³ всюду стремились подчеркнуть ортодоксальность историка, и оба немало способствовали сохранению за Сфрандзи репутации православно-ортодоксального автора. Такое мнение закрепилось, в дальнейшем его не смогли поколебать усилия В. Миллера, который пытался вновь привлечь внимание исследователей к фактам, говорящим о стремлении

¹ П. Д. Погодин. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 г. — ЖМНП, 1883, август, стр. 207—221; А. П. Лебедев. Очерки истории византийско-восточной церкви конца XIV в. до пол. XV в. М., 1892, стр. 79; K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 305—309; G. Dalko. Die letzten Geschichtschreiber von Byzanz. — «Ungarische Rundschau», 3, 1913, S. 395; N. Jorga. Medaillons d'histoire litteraire byzantine. — Вуз., II, 1925, p. 296—298; З. В. Удальцова. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии. — ВВ, III, 1950, стр. 108; G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 416—417; M. E. Colonna. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo, I. Napoli, 1956, p. 39—41, 121; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 247—251, 282—288.

² П. Д. Погодин. Указ. соч., стр. 208.

³ Г. С. Дестунис. Опыт биографии Георгия Франдзия. — ЖМНП, 1893, июнь, стр. 464—466.

Сфрандзи к союзу с Западом⁴. Старания В. Миллера остались безрезультатными еще и потому, что вскоре подверглась серьезному сомнению принадлежность Сфрандзи так называемой Большой хроники, сомнения, на котором основывались все упомянутые выше византилисты⁵. С этого времени внимание исследователей труда Сфрандзи целиком поглотила проблема фальсификации Большой хроники и связанные с ней источниковедческие задачи, а вопрос о политической ориентации историка отошел на второй план.

Что касается политических взглядов Дуки, то здесь дело обстояло иначе. Отношение его к церковной унии с Римом сразу же стало центральным пунктом в работах, посвященных этому автору, и сочувствие Дуки унии отмечалось всеми исследователями. Однако по вопросу о причинах этого сочувствия в конце прошлого века между двумя русскими учеными П. Д. Погодиным и Е. Черноусовым возникла оживленная дискуссия. П. Д. Погодин считал, что униатская позиция Дуки вызвана враждебностью его к Византии и благосклонностью к Западу⁶. Е. Черноусов доказывал отсутствие у Дуки симпатий к Западу, отмечал его горячий патриотизм и в противоположность П. Д. Погодину указывал на то, что именно этот патриотизм толкал Дуку на унию с Римом как к средству, способному обеспечить помощь гнущейся Византии со стороны Запада⁷.

В наше время эта точка зрения была поддержана некоторыми зарубежными учеными. В частности, румынский исследователь В. Греку предостерегал от того, чтобы считать Дуку сторонником унии, руководствовавшимся какими-то личными мотивами⁸; в недавнем издании «Истории» Дуки он вновь охарактеризовал этого автора как патриота, поддерживавшего идею унии только из политических соображений⁹. Однако наряду с этим существует взгляд на Дуку как на историка, отражавшего воззрения приверженцев пролатинской партии. Эта концепция последовательно проводится в ряде работ советских византистов, а также остается преобладающей в трудах общего характера.

⁴ W. Miller. The Historians Doukas and Phrantzes. — JHS, v. XLVI (1926), p. 69.

⁵ Известны два произведения Георгия Сфрандзи: Большая хроника, которая посвящена событиям с 1258 по 1477 г., и Малая хроника, охватывающая период с 1413 по 1478 г. Последняя представляет собой мемуары византийского сановника, наложенные в форме дневника; Большая же хроника является расширенной редакцией Малой со стилизованным языком и многочисленными дополнениями и исправлениями оригинала (см. Г. С. Дестунис. Указ. соч., стр. 428—434; П. Д. Погодин. Указ. соч., стр. 207—212). Предпринятые текстологические исследования Большой хроники показали, что значительная часть ее подложна. Позднее удалось установить и имя фальсификатора: им оказался митрополит Монеμβасии Макарий Мелиссина. В 1573—1575 гг. он обработал Малую хронику Сфрандзи, дополнив и в ряде случаев изменив ее текст. Таким образом, Большая хроника в дошедшем до нас виде представляет собой компиляцию, составленную столетие спустя после создания Малой хроники (см. J. V. Parapoulos. Über «Maius» und «Minus» des Georgies Phrantzes. — BZ, 1938, 38, p. 323—331; idem. Ἐρμηνευτικὰ εἰς τὴν μεγάλην καὶ τὴν μικρὰν χρονογραφίαν τοῦ Φραντζῆ. — ΕΕΒΕ, 1937, 13, p. 155—157; F. Dölger. Ein literarischer und diplomatischer Fälscher des 16. Jahrhunderts. Metropolit Makarios von Monembasia. — «Otto Gläuning zum 60. Geburtstag». Leipzig, 1936, S. 25—35; V. Grecu. Georgios Sphrantzes. — BS, XXVI, 1965, p. 62—74 и др.). В дальнейшем, говоря о сочинении Сфрандзи, мы имеем в виду лишь Малую хронику, авторство которой не вызывает сомнений (Chronicon Minus Georgii Phrantzae. — PG, t. 156).

⁶ П. Д. Погодин. Указ. соч., стр. 219.

⁷ Е. Черноусов. Дука, один из историков конца Византии. — ВВ, XXI, вып. 3—4, 1914, стр. 216—220.

⁸ V. Grecu. Pour une meilleure connaissance de l'historien Doukas. «Archives de l'Orient Chrétien», I. Bucarest, 1948, p. 137—138.

⁹ Ducas. Historia turco-bizantină (1341—1462), ed. V. Grecu. — RPR, 1957, p. 6.

Поэтому мы считаем необходимым еще раз пересмотреть вопрос о позиции обоих историков, Дуки и Сфрандзи, относительно унии церквей и, анализируя источники, проследить шаг за шагом их точку зрения, выявить сходство и различия в политической ориентации авторов. Разбор этой проблемы позволит в конечном счете полнее определить ту роль, которую играли накануне падения Византии политические партии, чьи интересы защищали названные авторы в своих сочинениях.

Описание Флорентийского собора в «Истории» Дуки выглядит вкратце так. Уния православной и католической церквей была задумана давно. Предварительно из Византии в Рим отправлены были послы, а папа обещал дать деньги на проезд и содержание в Италии византийского посольства. Сев на корабли, присланные папой, византийцы отправляются из Константинополя в Венецию. Венецианцы радостно принимают посольство и предоставляют ему возможность совершить богослужение по восточному обряду. Оно производит на присутствующих венецианцев неизгладимое впечатление. Как истинный византиец, преисполненный гордости за свою религию, историк с большим подъемом описывает этот эпизод. Между прочим, по словам Дуки, венецианцы здесь убеждаются в том, что греки — «первородные сыны церкви» и что в них «говорит и действует божественный дух»¹⁰. Затем византийское посольство прибывает в Феррару, но из-за свирепствовавшей там чумы собор переносится во Флоренцию. Дука перечисляет участников византийского посольства. Он отдает должное всем, не выделяя особо ни сторонников унии, ни противников ее, и объявляет о решении заключить унию. При этом подчеркивается, что под ним поклялись все греки, кроме Марка Эфесского. Принятый на соборе символ веры (с *filioque*), как отмечает Дука, отличается от греческого, так что договоренность была достигнута ценой уступки греков в догматических вопросах. Против этого изменения православного символа веры протестовал лишь Марк Эфесский, но латиняне возражали ему, ссылаясь на отцов церкви (их аргументы автор приводит вместе с протестами Марка). После заключения унии посольство (через Венецию, а затем Беотию) возвращается в Константинополь. Здесь Иоанн VIII Палеолог сразу отправляет послов к Мураду II, чтобы рассеять дошедшие до султана слухи, будто император, заключив союз с «франками» и сделавшись сам «франком», намерен «пойти с земли и моря войной против Мурада с целью прогнать его с Запада» (т. е. из европейских владений Византии)¹¹. Византийские послы заверяют султана, что император ездил в Италию только из-за разногласий по вопросам веры; Мурад обрадован таким объяснением. На этом кончается повествование Дуки о Флорентийском соборе.

Мы можем констатировать, что на протяжении всего описания тон автора остается деловым и спокойным; никаких признаков, которые могли бы свидетельствовать о его симпатии к унии церквей, здесь нет. Историк в целом беспристрастен; исключением является его высказывание о впечатлении, произведенном на венецианцев греками и особенно их богослужением, — это восхищение населения Венеции византийцами передано в несколько приподнятом стиле.

Однако манера изложения Дуки резко меняется, как только он переходит к изображению событий, происшедших в Константинополе после заключения унии во Флоренции. «Сразу после того, как архиереи сошли с трирем, — пишет Дука, — население Константинополя по обычаю приветствовало их и спрашивало: «Ну, как наши дела? Как собор? Одер-

¹⁰ Ducas, p. 267.8—10.

¹¹ Ibid., p. 269.25—26.

жали ли мы победу?» Но те отвечали им: «Мы продали нашу веру, обменяли благочестие на нечестие, предали чистую жертву и оказались азиимитами». Эти и другие еще более позорные и постыдные слова говорили они. И кто это был? — восклицает возмущенный автор. — Те, кто поставил свою подпись в договоре: Антоний Гераклеийский и все остальные. А если кто-нибудь спрашивал у них: «Зачем вы подписали [договор]?» — они отвечали: «Потому что боялись франков». И когда снова спрашивали у них, пытали ли франки кого-либо, били ли, бросали ли в тюрьму, [те отвечали]: «Нет». «Тогда почему же?» — «Сама рука подписала, — говорили они, — будь она отрублена! Сам язык согласился, пусть будет вырван!» И Дука комментирует: «Ничего другого они не могли сказать. Ведь некоторые архиереи заявляли при подписании договора: «Не подпишем, пока вы не дадите нам достаточно денег». Те дали, и они обмакнули перо [в чернила]. На них было истрчено бесчисленное количество денег, отсчитанное в руки каждого из отцов. Затем раскаявшись в этом, они, однако, не возвратили серебра. Что же касается их заявления о том, что они продали свою веру, то [следует заметить]: они совершили большой грех, чем некогда Иуда, ибо тот вернул сребреники. Но увидел господь и отверг их. Поднялся огонь против Иакова, и обрушился гнев его на Израиль»¹².

Обличительные слова в адрес участников собора во Флоренции вряд ли могли быть произнесены сторонником унии церквей. Разоблачение подкупа византийского духовенства на соборе римским папой было на руку противникам унии¹³. Поэтому не случайно в итальянском переводе «Истории» Дуки, сделанном, по-видимому, в конце XV в., автор принадлежности которого к униатскому кругу несомненна, дает иную интерпретацию этому отрывку, совершенно искажающую смысл оригинала: переводчик возмущается не поведением византийского посольства на соборе и после возвращения его на родину, как это делает Дука, а реакцией населения Константинополя, не принявшего унию¹⁴. Таким образом, мы можем отметить, что в описании Флорентийского собора Дука предстает вполне ортодоксальным византийцем. Об этом свидетельствуют как его высказывания о своей религии, вложенные им в уста венецианцев (греки — первородные сыны церкви), так и его осуждение поведения византийских сановников и духовенства на соборе (продали веру).

Обратимся теперь к изображению Дукой последней попытки Византии обеспечить себе поддержку Запада путем заключения унии с Римом. Турки уже стоят у стен Константинополя, в городе царят страх и смятение, нужно принимать все возможные меры для защиты столицы. В этих условиях император Константин XI Палеолог, надеясь посредством унии получить военную помощь из Италии, обращается к папе Николаю V с предложением вновь заключить унию. С этой целью в Константинополь приезжает грек — латинофил Исидор Русский, которого Дука уже упоминал как одного из деятелей Флорентийского собора¹⁵. 12 декабря 1452 г., за пять месяцев до падения Константинополя, император подписывает с ним акт об унии православной и католической церквей. Но большая часть священников и монахов не приняли унии. Дука сообщает, что монахи склоняли его написать, будто и император лишь притворно согласился на нее¹⁶. Подстрекаемая главой православной партии Георгием Схоларием, призывавшим сограждан «надеяться на бога, а не на помощь

¹² Ducas, p. 269.30—271.16.

¹³ См. об этом: З. В. Удальцова. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе. . . , стр. 124.

¹⁴ *Italice interprete incerto*. — CSHB. Bonnae, 1834, p. 459.

¹⁵ Ducas, p. 267.19—20.

¹⁶ Ducas, p. 315.21—24.

франков», беспорядочная праздная толпа, выйдя из монастырского двора, начала шуметь в харчевнях, держа в руках сосуды с неразбавленным вином, и поносить сторонников унии: «...ни помощи латинян, ни унии нам не нужно!»¹⁷ Историк не остается равнодушным к такого рода заявлениям. «Несчастные, что вы о пустом заботитесь?!» — восклицает он и раздражается гневной тирадой, осуждающей фанатизм византийских монахов и духовенства, которые не видят того, что «уже завтра они попадут в руки варваров и будут опозорены и обещены ими»¹⁸. Дука возмущен жителями Константинополя, которые, занимаясь религиозными спорами вместо того, чтобы защищать город от врага, совершенно потеряли всякое чувство ответственности за судьбу родины. «Дикий народ, ненавистник блага, корень заносчивости, ветвь тщеславия, цвет высокомерия, отбросы рода эллинов, воистину достойный сам презрения, но презирающий весь род людской, считал, что всего случившегося якобы не было», — пишет историк, давая очень резкую характеристику своим соотечественникам¹⁹. Отрицательное отношение у него вызывает и широко известное выражение великого дуки Константинополя Луки Нотары: «Лучше видеть царствующей в городе турецкую чалму, чем латинскую тиару». Дука замечает, что слова обращены скорее против города, «когда уже перед глазами греков стояло бесчисленное турецкое войско», чем против латинян²⁰.

Особое внимание заслуживает заявление историка, позволяющее судить, насколько сильна была в Константинополе ненависть к итальянцам и насколько ожесточенным — сопротивление константинопольцев (главным образом монашества и духовенства, как указывает Дука) унии церковью и политике императора в этом вопросе. Описывая штурм Константинополя турками и бегство горожан в собор Св. Софии, где они надеялись найти спасение (согласно получившему распространение прочтению о предстоящем освобождении в храме от рук простого, никому неизвестного человека²¹), Дука бросает жителям столицы следующее обвинение: «И даже в такой великой опасности, если бы ангел сошел с неба и сказал вам: «Я выгоню врагов из города, если вы примете унию и установите мир в церкви», — вы и тогда не согласились бы на нее, а если и согласитесь, то ложью было бы ваше согласие. Ведь те, кто несколько дней назад говорил: «Лучше попасть в руки турок, чем франков», — знают это»²².

Здесь позиция историка в отношении унии церковью раскрывается ярче всего. Если даже сделать скидку на некоторые преувеличения в высказываниях, вызванные сознанием ответственности за судьбу страны и горячим желанием помощи ей, то и тогда сочувствие Дуки унии видно довольно ясно. Для него не существует вопроса, кто лучше — турки или латиняне. В данной ситуации он, без всякого сомнения, за латинян. Однако эта позиция не находится в противоречии с общей направленностью сочинения Дуки. Историк проникнут страданием, горем и болью за свой народ и свою страну. Даже свое решение продолжать повествование после

¹⁷ Ducas, p. 317.12—22.

¹⁸ Ibid., p. 319.21—28.

¹⁹ Ibid., p. 319.8—11. А. С. Степанов, давая перевод этой главы из труда Дуки («Византийские историки Дука и Сфрандзи о падении Константинополя». — ВВ, VII, 1953, стр. 391), переводил слово *λαός* как «чернь», отчего вся фраза приобрела у него острое социальное звучание. На наш взгляд, никаких оснований для подобной интерпретации нет, поскольку Дука постоянно употребляет это слово (*λαός* — «народ») в смысле массы людей в отличие от *δῆμος* — «народ» в политическом значении. Когда же автор хочет придать фразе социальный оттенок, он повсюду употребляет слово *ὄχλος*.

²⁰ Ducas, p. 329, 8—12.

²¹ Ibid., p. 365.3—12.

²² Ibid., p. 365.26—30.

захвата Константинополя турками автор оправдывает только тем, что уверен в гибели Мехмеда II и падении рода Османов, о чем непременно жаждет написать в своей «Истории»²³.

Необходимо также заметить, что и здесь Дука остается абсолютно ортодоксальным. Так, он заявляет, что православному непозволительно говорить о том, как латиняне совершают причастие; отважившийся причаститься у католика достоин того, чтобы его побили камнями²⁴, а при описании разграбления турками церковных святынь автор приходит в отчаяние и обнаруживает истинно византийскую преданность, любовь и уважение к своей религии²⁵. Обвинения греков в фанатизме, упрямстве и неискренности при заключении унии выглядят у Дуки совершенно иначе, чем у латинофилов²⁶, прежде всего потому, что он сочувствует своим соотечественникам, а его возмущение безрассудной их политикой продиктовано, несомненно, политическими соображениями: перед лицом грозной опасности, которую представляла для Византии турецкая осада 1453 г., нужно было использовать последнее средство, способное, по его мнению, предотвратить гибель города.

Рассмотрим теперь отношение Сфрандзи к унии церквей. Зная о той важной роли, которую играл этот византийский сановник при трех последних Палеологах, о его дружбе с императором Константином XI, вместе с которым он рос и воспитывался, можно было бы ожидать, что уния займет большое место в мемуарах: именно в эти годы она приобрела первостепенное значение в политике византийского правительства. Однако ни Флорентийскому собору, ни борьбе вокруг унии с Римом, развернувшейся уже до собора и продолжавшейся после него, Сфрандзи не уделяет сколько-нибудь значительного внимания. Он пишет лишь о том, что собор был задуман не так, как следовало, и при этом оговаривается, что имеет в виду не догматы церкви, поскольку об этих вопросах не ему судить²⁷. Ведь он никогда ни от кого из противников не слышал, что вера греков плоха, а наоборот, слышал лишь, что она хорошая и древняя, но и их вера тоже не плоха, а прекрасна. И в доказательство правоты своей точки зрения Сфрандзи приводит назидательный рассказ о дорогах к храму Св. Софии²⁸, в котором по существу изложены основные установки автора, касающиеся религиозных вопросов: провозглашение веро-

²³ Ibid., p. 399.19—401.20.

²⁴ Ibid., p. 325.12—14.

²⁵ Ibid., p. 363.1—9.

²⁶ В. Греку уподобляет выпады Леонарда Хиосского против антиуниатов высказываниям Дуки по этому поводу (*Ducas. Istorica Turco-Byzantina*. — RPR, 1958, p. 364, n. 19). Это связано с его общей тенденцией отождествлять греческую «Историю» Дуки с ее староязычным переводом, который действительно имеет много общего с Леонардом (*Leonardi Chiensis Historia C-politanae urbis a Mahumete II captae, per modum epistolae, die 15 augusti anno 1453 ad Nicolaum V Rom. Pont.* — PG, t. 159, p. 925). По нашему мнению, делать это нельзя, поскольку итальянский переводчик был католиком и во многих случаях он так «исправляет» Дуку, что полностью искажает оригинал.

²⁷ PhrantzAES, p. 1046 A.

²⁸ Ibid., p. 1046 B, C: «В доказательство, — пишет историк, — допустим, что мы с кем-нибудь в течение долгого времени идем по широкой и просторной Месе города, по которой (прежде) ходили в Святую Софию. Затем через некоторое время кем-то была найдена и другая дорога, ведущая, как говорят, туда же. Допустим, меня начинают подстрекать: дескать, пойдя по этой дороге, которую мы нашли! Ведь хотя та, откуда ты идешь, древняя, прекрасная и нам с вами с давних пор известная, поскольку мы ходили по ней, однако и эта, которую мы отыскали сейчас, так же хороша. Я же, допустим, слышу от одних, что она хороша, а от других, что нехороша. Поэтому отчего бы мне не сказать: „Превосходно! С миром и любовью отправляйтесь в Святую Софию, откуда пожелаете. Я же хочу снова идти по пути, которым я ходил долгое время вместе с вами и который засвидетельствован и вами, и предками моими как хороший“».

терпимости по отношению к католицизму и собственной преданности вере отцов. Далее Сфрандзи объявляет, что он не отрицает унию церквей, ради которой готов даже лишиться глаза. В данной ситуации, однако, он считает Флорентийский собор политической ошибкой, поскольку, по его мнению, именно этот собор побудил турок двинуться против Константинополя, ибо союз Византии с Западом представлял для них большую опасность²⁹. Излагая события, историк иллюстрирует свою мысль фактами. Он рассказывает, как император Иоанн VIII Палеолог перед отъездом в Италию, отправив послов к султану Мураду II, сообщил ему о своем намерении, и, несмотря на явное неудовольствие последнего, все случилось так, как захотел император, «а скорее злая судьба», — добавляет Сфрандзи³⁰. Едва Иоанн VIII отправился в Италию, Мурад II решил «пойти войной против города... не столько с целью взять его, сколько для того, чтобы заставить императора вернуться назад», и лишь усилиями великого визиря Халил-паши удалось избежать осады Константинополя³¹.

С этих же позиций излагает Сфрандзи основные принципы внешней политики Мануила II Палеолога, высказанные им в беседе со своим сыном, императором Иоанном VIII в присутствии самого историка. Описание этой беседы Сфрандзи приводит в качестве объяснения своей мысли о нецелесообразности Флорентийского собора в конкретной ситуации, сложившейся в то время. Император рекомендует сыну держать турок в страхе перед возможностью договориться с Римом об унии, поскольку «турки полагают, что в случае подобного объединения западные народы причинят ради нас большое бедствие им», но заключать унию Мануил не советовал: «Насколько я знаю наших, они не согласятся найти способ объединения, единодушия и мира... Я боюсь, как бы схизма не стала еще хуже и как бы мы не оказались беззащитны перед нечестивыми». Когда же Иоанн VIII не вынул довода отца, Мануил, жалуюсь на сына, который не учитывает реального соотношения сил, выразил опасение, что политика Иоанна может привести к крушению дома Палеологов. И, как замечает историк, дальнейшие события подтвердили справедливость слов императора³².

Итак, Флорентийская уния вызывает неодобрение Сфрандзи своим неблагоприятным политическим результатом (ухудшение византийско-турецких отношений); ей противопоставляется политика Мануила II. Мы можем констатировать, что историк вслед за глубоко почитаемым им императором Мануилом II Палеологом обнаруживает ясное понимание внутренней ситуации в Византии (невозможность принятия унии), но в то же время отдает себе отчет и в том, что углубление раскола с Западом повлечет за собой гибель византийского государства. Будучи одним из наиболее близких императорскому дому людей, Сфрандзи хорошо понимал необходимость политического союза с Западом. Его стремление добиться такого союза проявлялось в попытках устроить брак Константина XI Палеолога (еще в то время, когда тот был деспотом) с дочерью венецианского дожа Франческо Фоскари. Историк прямо заявляет, что этот брак нужен был как средство объединения с Венецией. «Я больше всех других одобрял это дело и содействовал ему»³³, — пишет он и с горечью сообщает, что из-за расторжения предполагавшегося брака Франческо Фоскари сделался врагом Византии.

²⁹ Phrantzaes, p. 1046 C.

³⁰ Ibid., p. 1047 C.

³¹ Ibid., p. 1047 C, D.

³² Ibid., p. 1046 C, D—1047 A, B.

³³ Ibid., p. 1062 B.

Этой же целью (объединение с Западом) руководствовался Сфрандзи, советуя императору Константину XI поставить патриархом кардинала Исидора Русского, присланного папой Николаем V для вторичного заключения унии. Константин XI счел невозможным назначить патриархом латинофила Исидора (хотя это и сулило политические выгоды) по той причине, что может возникнуть раздор между ним и его противниками, а в такое время, когда Византия втянута в войну с турками, борьба внутри Константинополя принесет великое зло³⁴. Поэтому император отверг предложение Сфрандзи, но готовность историка пойти на подобный шаг говорит сама за себя.

Мы подчеркиваем, что, несмотря на заверения в своей ортодоксальности, Сфрандзи нигде не выступает против унии церквей как таковой. Конфессиональная сторона этого акта не интересует историка. Если Флорентийская уния им и берется под сомнение, то имеется в виду при этом исключительно политический результат ее³⁵. Когда же интересы государства потребовали добиться помощи от Запада ценой унии, историк счел возможным посоветовать императору пойти на нее.

Таким образом, в результате анализа отношения двух византийских историков к унии с Римом мы приходим к выводу, что у них гораздо больше точек соприкосновения, чем различий. Как Дука, так и Сфрандзи рассматривали унию в качестве средства получения поддержки Запада, совершенно не выражая своих взглядов на конфессиональное содержание унии. Хотя Дука гораздо откровеннее Сфрандзи в своих симпатиях и антипатиях, он все же не меньше последнего ортодоксален и патриотичен. В той борьбе, которая разыгралась накануне падения Византии, оба историка, очевидно, принадлежали к одной партии, и вряд ли правомерно противопоставлять их друг другу. Составляя свои хроники уже после падения Константинополя, они неизбежно оценивали все затрагивавшиеся ими факты, отталкиваясь от последующих событий. Этот ретроспективный взгляд, по нашему мнению, и обусловил различие их позиций по отношению к церковной унии.

Уния не спасла Византию. С точки зрения Дуки, это произошло потому, что она вызвала раздор в Константинополе и ослабила силы защитников города; с точки же зрения Сфрандзи — потому, что Флорентийский собор в данной ситуации оказался политической ошибкой, ибо именно он явился причиной турецкой агрессии. Исходя из неблагоприятных результатов попытки заключить унию во Флоренции, Сфрандзи склонен не одобрять ее (повторяем, что это относится только к Флорентийской унии и лишь к политической стороне ее), между тем Дука, руководствуясь интересами защиты государства, обрушивает свой гнев на противников унии. И, наконец, оба историка в самый критический для Византии момент сочли необходимым, чтобы империя пошла на унию ради спасения Константинополя, надеясь таким путем получить военную поддержку от Запада.

Мы согласны с Э. Франчесом, считающим антиуниатскую позицию в то время вряд ли оправданной, поскольку в обстановке 1453 г. доводы политической целесообразности не позволяли игнорировать малейшую перспективу помощи³⁶. Характерно, что именно те круги византийской знати, которые выступали против унии, впоследствии нашли общий язык с завоевателями (Нотара, Схоларий). Дука много пишет о поведении во

³⁴ Ibid., p. 1062 C, D.

³⁵ C. J. G. Turner. Pages from Late Byzantine Philosophy of History. — BZ, 1964, II, p. 353—354.

³⁶ Э. Франчес. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания. — ВВ, XV, 1959, стр. 82—83.

время турецкой осады Георгия Схолария, ставшего после падения Константинополя патриархом. Своими выступлениями против сторонников унии он подрывал среди населения веру в возможность успеха в борьбе с турками, обращаясь с пророчествами, предсказывавшими грекам гибель за вероотступничество³⁷. Нетрудно представить, к чему вела такая политика: отказываясь в период величайшей опасности от объединения всех сил для защиты родины, сторонники этой политики прямо или косвенно способствовали завоеванию турками Константинополя³⁸. Православная партия, возглавлявшаяся после смерти Марка Эфесского его любимым учеником и последователем Георгием Схоларием, имела большое влияние в городе. С этой оппозиционной правительству партией приходилось считаться сторонникам унии и самому императору. Мы уже приводили выше высказывание Дуки о монахинях, склонявших его написать в «Истории», будто весь народ не принял унии, а император лишь притворно согласился на нее. У Дуки же есть свидетельство о том, как униаты в ответ на обвинение в вероотступничестве, предъявлявшееся им православной партией, вынуждены были уверять своих противников, что они неискренне подписывали унию³⁹. Рассказ Сфрандзи об отказе Константина XI Палеолога возвести на патриарший престол Исидора Русского, последовательного латинофила, также свидетельствует о том, что правительству постоянно приходилось выискивать возможности компромисса с оппозицией⁴⁰. Если за сто лет до того, в 1339 г., тайный посол византийского императора Варлаам Калабрийский мог уверенно говорить римскому папе, что в случае обещания военной помощи Византии в борьбе с турками уния, без сомнения, будет принята в Константинополе⁴¹, то теперь положение в корне изменилось. Основная масса населения столицы и главным образом фанатичное монашество, находившееся под большим влиянием своего духовного наставника Схолария, стояли против объединения с Западом и своей деятельностью мешали обороне города⁴².

Лишь небольшая часть византийской аристократии, в основном из окружения императора, видя в унии средство для получения военной помощи Запада, поддерживала Палеологов в их отчаянных попытках обес-

³⁷ Ducas, p. 315.28—317.11; 325.22—23; 329.5—10.

³⁸ Следует отметить, что подобная позиция была продолжением политики, которой придерживался Марк Эфесский, торжественно завещавший ее своему преемнику Схоларию («Завещание Марка Схолария и ответ последнего. Незданные сочинения Марка Эфесского и Георгия Схолария. Изд. и перевод Авраама Норова. Париж, 1859»). Она нашла наиболее полное выражение в «Исповеди» Марка Эфесского («Исповедание святейшего митрополита Эфесского Марка Евгеника, произнесенное им при самой его кончине». — Там же), основная мысль которой заключается в абсолютном неприятии какого бы то ни было сближения не только с людьми, исповедующими католичество, но и с любыми сторонниками унии церквей.

³⁹ Ducas, p. 319.13—15. Подписавшие унию 12 декабря 1453 г. говорят своим противникам: «Подождите. Сначала посмотрим, истребит ли бог врага, стоящего против нас... а там увидите, соединимся ли мы с асимитами».

⁴⁰ Униатами предъявлялись два требования: преставить патриарший престол Исидору Русскому и поминать в диптихах папу Николая V. Осуществить первое император счел невозможным, чтобы не вызвать в городе раздор, на второе же согласился (см. Ducas, p. 315.3—7; Phrantzaves, p. 1062.45—59).

⁴¹ Варлаам ставил три условия, необходимых для принятия унии греками: 1) военную помощь; 2) индульгенцию лицам, участвующим в борьбе с турками; 3) освобождение греков из рабства и прекращение работ торговли греками (Barlaami Oratio pro Unione. — PG, t. 151, p. 1331—1342).

⁴² Мы не останавливаемся отдельно на позиции туркофильской группировки византийской знати, поскольку в вопросе церковной унии с Римом туркофилы не выдвигали своей особой программы, отличной от программы православной партии.

печить Византии его помощь. Несомненно, Сфрандзи относился к этому кругу близких императору лиц, которому было присуще сознание политической необходимости подобных уступок⁴³. Именно на эту группировку феодальной знати опирались Палеологи в своей политике объединения с Западом. Могла ли она быть конструктивной — иной вопрос. Во всяком случае, как Дука, так и Сфрандзи указывают на то, что турки опасались этого союза и стремились любым путем помешать ему. С другой стороны, подобная политика имела в Византии глубокие корни, восходившие к эпохе крестовых походов⁴⁴; она постоянно подогревалась экономическими и политическими связями и культурным общением с двумя крупнейшими итальянскими городами, Генуей и Венецией, и получила новый толчок в XIV—XV вв. на почве расцвета гуманизма в эпоху Возрождения⁴⁵. Она могла находить поддержку и у той части греков, которые, подобно Дукe, имели постоянный контакт с итальянцами (факты сотрудничества итальянского и греческого населения византийских областей в борьбе против турок упоминаются Дукoй⁴⁶).

Можно ли называть подобную позицию латинофильством? Ответ на этот вопрос зависит от того, кого мы будем подразумевать под латинофилами: ту ли группировку византийской знати, которая лишь ввиду политических соображений стремилась к союзу с Западом (император, его окружение, Сфрандзи, Дука), или же представителей византийской культуры и политики, которые целиком перешли на сторону католичества, признав все его догмы (Варлаам, Виссарион, Исидор, Аргиропул, позднейшие деятели византийской образованности и др.). Последние не только были сторонниками унии церквей, но и считали долгом выступить с оправданием своих поступков, обосновывая истинность догматических положений римской церкви и ошибочность православия. Это были интеллигенты⁴⁷, выходцы из небогатых семей⁴⁸, принадлежавшие к образованному слою византийского общества, чаще всего монашества (Варлаам, Виссарион). Широкой социальной опоры латинофильство, по-видимому, не имело, поэтому отдельные представители его без промедления эмигрировали в Италию (Виссарион, Исидор), поставив перед собой цель любыми средствами возратить греков к «истинной», католической вере.

В полемических произведениях против латинян, на наш взгляд, преувеличивается размах этого течения⁴⁹. Если бы на самом деле латинофильство имело большое распространение, то Палеологам не пришлось бы тратить столько сил и энергии на бесплодные попытки заключить церковную унию с Римом.

Наши источники неоднократно указывают на то, что императоры были совершенно одиноки в своих усилиях установить союз с Западом при помощи унии⁵⁰.

⁴³ W. Miller. The Historians Doukas and Phrantzes, p. 69.

⁴⁴ Об этом см. Ф. И. Успенский. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний. — ВВ, XXII (1915—1916), стр. 35—38; З. В. Удальцова. Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания. — «Средние века», III, 1951, стр. 177.

⁴⁵ Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892, стр. 298—309; З. В. Удальцова. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе... стр. 131.

⁴⁶ Ducas, p. 207.1—10; 409.5—20.

⁴⁷ З. В. Удальцова. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе... стр. 298.

⁴⁸ А. Садов. Виссарион Никейский. СПб., 1883, стр. 1—3.

⁴⁹ Б. Т. Горянов. Религиозно-полемическая литература по вопросу об отношении к латинянам в XIII—XV вв. — ВВ, VIII, 1956, стр. 132—142.

⁵⁰ Ducas, p. 315.19—319.32; Phrantzaes, p. 1062.45—59.

Та же немногочисленная группа византийской знати, на которую опирались Палеологи, в догматических вопросах — в отличие от последовательных латинофилов — стояла на позициях православия, что сближало ее с православной партией. Однако эта группировка понимала и необходимость (из-за печального положения дел в Византии) объединения с Западом для борьбы с турками, смыкаясь в этом пункте с латинофилами. Но помощь Запада можно было получить лишь ценой догматических уступок со стороны православной церкви, о чем столетием раньше римский папа недвусмысленно заявил византийскому послу Варлааму Калабрийскому; до самого падения Константинополя римская курия ни на волос не отступила от этой позиции⁵¹. Поэтому лица, о которых идет речь, встретились с неразрешимым противоречием. Патриотизм вступил в конфликт с религиозным благочестием. Поборники православия, отказываясь от объединения со своими противниками, объективно играли на руку туркам, а тот, кто старался на деле доказать свой патриотизм, стремясь оттянуть гибель Византии, облегчить каким-то образом ее участь, должен был отбросить в сторону всякую мысль о защите религиозной независимости⁵². Отсюда — та недоговоренность, с которой мы встречаемся у Сфрандзи, и постоянные упреки и обвинения в адрес соотечественников без какой бы то ни было позитивной программы со своей стороны — у Дуки.

⁵¹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности, стр. 296.

⁵² См. Е. Черноусов. Указ. соч., стр. 217.